

George Cheron

**LETTERS OF K. BAL'MONT AND V. BRJUSOV TO
A. ELIASBERG**

The Russian-Jewish translator Aleksandr Samojlovič Eliasberg (1878-1924), although born in Minsk, lived and worked in Munich, having moved there in 1906.¹ In 1907 Eliasberg issued an anthology of modern Russian poetry in German translation done by himself: *Russische Lyrik der Gegenwart*. It was while working on these translations that Eliasberg came into contact with the two primary representatives of Russian Symbolism, Konstantin Bal'mont (1867-1942) and Valerij Brjusov (1873-1924). Eliasberg's anthology provided the basis upon which a correspondence with Bal'mont and Brjusov was initiated. The eight letters from Bal'mont cover the years 1907-1908 with two from 1921. In his letters Bal'mont speaks about his position in Russian literature, his work in progress, his new books, and his personal life. While Brjusov's letters are only two in number, they are none the less informative concerning his activities.²

Eliasberg in time became one of the most talented and prolific translators of classical and modern Russian literature into German.³ He was instrumental in introducing much of modern Russian literature to the German writer Thomas Mann (1875-1955).⁴ Upon his death in 1924 the Russian writer Aleksej Remizov provided the following high accolade of Eliasberg's linguistic skills:

И вот слышу, Элиасберга уже нет на белом свете: больше сердце не выдержало грешной земли. А хорошо он знал русский язык, любил русскую речь, берег, как редко кто.⁵

Bal'mont's and Brjusov's letters to Eliasberg are published with the permission of Columbia University. These letters are located in the papers of the Russian painter and collector N.B.Zaretskii (1876-1959) at the Bakhtemeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Butler Library, Columbia University.

I would like to thank Professor Vladimir Markov for proofreading Bal'mont's letters.

N o t e s

¹ *The Universal Jewish Encyclopedia*, Vol.4, New York 1948, 68.

- ² Twenty-nine letters from V.Brusov to Eliasberg have been published: V.A.Lazarev, "Iz istorii literaturnych otnošenij pervoj četverti dvadcatogo stoletija", *Učenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogičeskogo instituta im. N.Krupskoj*, Vol.46, sbornik 3, Moscow 1962, 91-134 (I would like to thank Ju.Davydov of Moscow for obtaining this difficult item for me). The first letter of the two published here predates any that were published by Lazarev.
- ³ Among the classics of Russian literature that Eliasberg translated were Puškin, Lermontov, Gogol', Turgenev, Tolstoj, Dostoevskij, Čechov and Leskov. Of contemporary writers, he translated Merežkovskij, Bunin, Majakovskij, Esenin; for more information see Lazarev, ibid., 92-93. Poems of Bal'mont and Brusov figured in two more anthologies put out by Eliasberg: *Neue russische Erzähler*, Berlin 1920; *Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts*, München 1922. An anthology in Russian edited by Eliasberg also featured verse of both poets: *Russkij Parnass*, Leipzig 1921.
- ⁴ Thomas Mann's letters to Eliasberg (29 in number) were published in Prague, where they are housed in the National Archives: A.Hofman, *Thomas Mann a Rusko*, Prague 1959, 113-159.
- ⁵ A.Remizov, "Esprit", *Sovremennye Zapiski* (Paris), No.23, 1925, 93. After his death part of Eliasberg's rich Russian library was acquired by the Benedictine Monastery at Salzburg: Biblioteka Al.Éliasberga, *Vozroždenie*, 24 March 1927 (No.660).

ПИСЬМА БАЛЬМОНТА ЭЛИАСБЕРГУ

№ 1

1907. 10 августа.
Сулак. Августа Мария.

Дорогой Александр Самойлович,

Еще и еще пересматриваю Вашу книгу,¹ и чувствую, что какой-то большой путь пройден. Когда я начинал свою литературную деятельность, мне пришлось биться и бороться совершенно одному. В течение четырех или пяти лет ни один журнал не хотел меня печатать, я не мог найти никакой работы, и ни одного человека не было около меня, который бы думал и чувствовал как я. Теперь я думаю, что это было хорошо. Я прошел через горькую школу, но на всю жизнь я спасся от возможности заразиться той скверной болезнью, которая называется пошлостью, и которой заражены теперь почти все молодые поэты, берущие с налету готовые размеры и готовую славу кружковщины. То, что Вы говорите, что в стихах моих не чувствуется никаких усилий, верю, и дважды радуюсь, что Вы это так чувствуете. Но усилия были над жизнью, которая за борьбу и дала мне певучую легкость стиха. Все, что Вы говорите, говоря обо мне, я принимаю, как дружеский привет, как понимание души душой, как связку цветов, которые давно были мне нужны - и еще хочу таких же, и более ласкающих. Я ценю очень то, что Вы говорите о моем отношении к самому себе. Так мог бы говорить только истинный друг, который видел меня, жил со мной, прислушивался к звуку моего голоса - к тому не сказанному, что бывает не в словах, а именно в звуке голоса, когда поздним вечером говоришь с другом. Да, я вижу себя со стороны, и знаю, кто я. Я часто браню Немцев, но я люблю великую Германию, и во мне многое именно Германской способности - работать - и тяжко работать - чтобы праздник настал, и чтоб феи пришли во сне, и чтоб легкая вознеслась готическая колокольня.

Мои "сопутствующие" поэты-товарищи, в данное время, вовсе не чувствуют себя моими "трабантами" (какое чудное надменно-красивое звучное слово!). Они стянули у меня столько погремушек и столько драгоценных камней, сколько каждый мог унести - и поносят меня, говоря, что все это, конечно, им принадлежит. И пусть их. Мне только

смешно. Так, чуть-чуть забавно. Мне хорошо одному, вот здесь на берегу Океана. Ведь недаром же, правда, мне приснился Альбатрос.

Ваши пересоздания Русских напевностей превосходны. Вы тонко чувствуете текст, Вы держитесь того же метода в переводах, которого я стараюсь держаться, когда пишу о великих чужеземных поэтах: этот метод единственно верный, - женская ласковая хитрость: отдаваться, чтобы овладеть. Вы отдаетесь интонациям подлинников, и они становятся Вашими. Такие Ваши передачи, как "Пожар"², "Береза"³, "Раковина" (из моих стихов)⁴, "Терцины" (из Брюсова)⁵, "Иди за мной" Гиппиус⁶, и многие другие, показывают в Вас тонкую впечатлительность, отличное владение Немецким стихом, и не менее превосходное понимание языка Русского. Для меня, помимо Вашего отношения, радостно знать, что у Русской поэзии есть такой Немецкий переводчик, как Вы, и я буду ждать, еще много и много, работ Ваших.

Я был бы Вам признателен, если бы Вы послали мне свой прототип и что-нибудь рассказали о себе, - я ведь ничего не знаю, кто Вы. Я хотел также сказать Вам, что, если Вы хотите воспользоваться моими сведениями и знаниями для чего-нибудь из сфер Ваших занятий Русской литературой, пожалуйста, обращайтесь ко мне, ставьте вопросы, я буду Вам отвечать.

Междуд прочим, я думаю, Вас рецензенты Русские будут вероятно преследовать за неумеренное увлечение Бальмонтом. Не смущайтесь. Так должно быть. Вы оцениваете меня как "посторонний", с исторической точки зрения. В России же сейчас всё находится в кипении. Не только то, что связано с социальными вопросами, нет, все. В частности, многие поклонники моих "певучестей" не могут мне простить, что я стал на сторону мятежных Рабочих. Но мои "Песни Мстителя" есть лишь буква "А".⁷

Впрочем, я сейчас совсем в ином - я написал, и кончаю, новую книгу стихов "Зеленый Вертоград" (Слова поцелуйные)⁸. Это - на фоне нашего сектантского великого оргийного "Хлыстовства" - мое понимание любовного радения, и любви воистину любовной, не связанной, еще никем не рассказанной, и образ любовницы-сестры, жены-любовницы, любовницы-любви, женщины-девушки, женщины-звезды. Я посыпаю Вам одно из этих песнопений. Хотите, - пошлю больше.

Относительно книг. "Горные Вершины" - Вам.⁹ "Будем как Солнце"¹⁰, к сожалению, не мой экземпляр. Нужно вернуть. Постараюсь достать, тогда пошлю Вам. Через месяца полтора пошлю Вам "Три Расцвета"¹¹ и "Белые Зарницы" (сборник статей, о Гете, Уйтмане,

Уайльде, Славянских замыслях, и пр.)¹². Я послал Вам "Три Расцвета" в рукописи, не думаю однако, чтобы Вы захотели переводить эту драму.

Пишите мне. И не обижайтесь, что я неаккуратен. Если б знали Вы, как я занят - всячески, всячески!

Издания Ваша книга так, как еще ни одна из моих. Вот я сейчас буду ругаться. Проклятые немцы, умеют издавать книги, а мы, Русские, все будем у иностранцев учиться? Впрочем, Ваша жена Русская.¹³ Ее рисунок для обложки поэтичен, изящен. Сколько настроения в этих ветвях, и в двух этих птицах! Я обожаю птиц.

Жму руку.

Искренно Ваш
К. Бальмонт.

№ 2

21 октября 1907. Брюссель.
83, rue St. Georges (avenue Louise).

Дорогой Александр Самойлович,

Как можете Вы сомневаться во мне? Конечно, я почувствовал Ваше письмо, но не мог ничего ответить Вам. Как только устроюсь в своей квартирке, напишу подробно. Кстати: мое пребывание в Брюсселе, по возможности, тайна.¹⁴ - Мне кажется, что вот Вы тут, хотелось бы сжать Вашу руку, и сказать столько слов. Я тону и тонул в волнах напевных. Пред отъездом из Сулака¹⁵ - я в Океане чуть не утонул. Я в гремящей поющей всезвучности. Как жаль, что не с Вами, в Мюнхене!

Ваш
К. Бальмонт.

№ 3

1907. 16 ноября. Брюссель.
83, ул. св. Георгия, Иксель.

Дорогой Александр Самойлович,

Я в сущности на несколько писем не отвечал Вам. Но - молю о снисходительности и ныне и впредь. Иной раз очень хочется писать, и часто, но захватит волна настроений, или застучит молот работы - возможность падает. Ваше отношение ко мне я очень ценю. И мне вдвойне радостно видеть Ваше внимание ко мне, и искреннюю Вашу любовь, когда мы ни разу даже не виделись. При свидании - я знаю - я умею иногда очаровать, и даже настолько, что после, когда личное очарование уйдет, - с расстояньем и вещами ежедневности, - люди мстят мне, за то, что слишком любили. Но я не сержусь. Однако - сейчас - я пожалуй неосторожен. Быть может, если б мы увидались, Вы меньше бы меня ценили и любили. Кто знает.

Не ведаю, скоро ли мне придется попасть в Мюнхен, куда мне очень хочется попасть. Я здесь - по некоторым обстоятельствам, которые требуют моего пребывания в Брюсселе еще месяца на два. Летом, я буду свободнее. Если бы мог, я сейчас бы уехал в Мюнхен. Не говоря уже о желании встретиться с Вами, я интересуюсь Мюнхеном, как художественным центром, и очень люблю Баварцев (я был в очаровательном Нюренберге лет пять тому назад)¹⁶. В Баварцах, как Вы верно говорите, много Южного. В них уже чувствуются чары Италии. И так я был влюблен в течение одного вечера в одну Нюренбергскую красавицу! Это было в каком-то ресторане, где, один, я ужинал, и она стояла за коктейльной стойкой. Должно быть, я очень смотрел на нее. Она отозвалась: когда я уходил, она мне подарила свою розу. Это было как-то по-Гамсуновски¹⁷. Я сейчас помню ее красивое лицо, ее лесные глубокие глаза. Она меня видела таким, каков я.

Вы говорите о "Вертограде" и "Жар-Птице".¹⁸ Александр Самойлович, Вам многое невидно, благодаря тому, что Вы селились с Германским духом, с Германским гением, и не можете чувствовать - невозможно при этих условиях чувствовать - некоторые вещи, которые мне привычны, известны, знакомы, мои, с детства, с полунамека, слышны через горы, через леса, слышны даже через грохот чужих тяжких городов. Быть может не нужно было, или не абсолютно нужно было, чтобы Бальмонт написал "Жар-Птицу". Но абсолютно нужно было, чтобы в России была написана "Жар-Птица". Я вошел в великую кузницу. Где кузнец? Нет его. Или он спит, или пьян, или глуп. Прочь,

кузнец. Я свирельник, но я так люблю ходить по цветущему лугу, между красных и синих цветов, под золотым Солнцем, что мне весело побыть в темной кузнице, где вот, я разжег рубиновое пламя, и буду ковать, и кую, и кую. И это только малый уголок. И зажгу великий пожар. Я стяну в одно огромное зеркало все блески Славянского гения. Я не хочу Европы.

"Зеленый Вергоград" - это воистину я и не случайно выбрал эпиграфом стих:

"Не тень моя вам показалась,
А сам я здесь явился вам."¹⁹

Если Вам помешала сектантская одежда, это лишь миг. Когда книга будет напечатана - я выпущу ее в начале 1908 года²⁰ - и Вы побудете с ней в разные часы, я уверен, Вы измените мнение о ней. У Вас изменится впечатление от нее. До этого, как ступень, выйдет в конце ноября моя новая книга "Птицы в Воздухе". Она уже почти вся отпечатана. Я послю Вам экземпляр. И беру с Вас теперь же маленькую взятку. Пожалуйста, пошлите экземпляр Вашей книги, с какой-нибудь надписью, моей матери: Вере Николаевне Бальмонт, в г. Шую, Владимирской губ. Старушка будет в восторге, тем более, что я отчали ее любимец, и она весьма тщеславная.

Посылаю Вам три небольшие вещи: "Минутка", "Джэлалэддин Руми", и "Оахака".²¹ В Оахаке я провел очаровательные часы своей жизни,²² с той девушкой,²³ которая сейчас со мною здесь, и с которой я объехал всю Мексику, Майю,²⁴ и был в Калифорнии.²⁵ Она шлет Вам привет. Портрета ее у меня нет, кроме одной карточки, которую я не могу Вам послать. Ей очень понравились Ваши письма ко мне, но она упрекает Вас в том, что в книге своей Вы не выбрали истинно - Бальмонтовских вещей: "Гимн Огню"²⁶, солнечные стихи²⁷, "Города Молчания", и др.

Крепко жму Вашу руку. Пишите мне. Передайте от меня привет Вашей супруге (вежливое, но неуклюжее слово, лучше - жена). Мне кажется, Вы очень дружны и счастливы с ней.

Пишите мне больше, и все, что хотите. Мне все интересно.

Ваш

К.Бальмонт.

P.S. Расходится ли Ваша книга в Германии? Если были какие-нибудь рецензии, пошлите на несколько дней.

А как я точно предсказал Вам, что Вам будет от "Весов" за меня?²⁸

№ 4

1908. 11 января.

Иксель.

Дорогой Александр Самойлович,

Совсем изнемогаю от чрезмерности работы и жизненных испытаний. Времени и сил не хватает.

Возвращаю перевод Ваш.²⁹ Я очень радуюсь, что Вы сделали его и напечатаете, но решаюсь указать на неточности. На стр. 3-й я говорю: "Чем своеобразнее талант, тем легче ему переплеснуть через свои берега, и тут все рамки ломаются." Я хочу сказать, что своеобразный талант может сделать большее, чем обычный талант, что, выйдя из своих берегов, он может и в ненадлежащей сфере давать интересное и оригинальное. Пример: Достоевский. Вы же придали своей мысли обратный смысл. Вы говорите: "Gefahr", а я разумею: "Möglichkeit", возможно избежать опасности.

На стр. 4-й я говорю: "На минутку Кузмин, на полминутки Городецкий". Вы говорите: "manchmal-sel tener". Я разумею именно минутку и полминутки: это незначительные дарования /пока/, времени жаль на них.³⁰ Вы смягчаете резкость суждения.

Там же. Я считаю Вяч.Иванова "истинным" Русским поэтом, неподдельным, но не "великим", и даже не "большим".³¹

На стр. 5-й совсем неверно переведено о Блоке. Я отношусь к нему с большим презрением, и считаю его, как журналиста, литературным проститутом.³² Я говорю - "разудалый", это значит нагло-смелый, как наглы хулиганы: их смелость в том, что они за все рукой схватятся. Так и делает Андрей Белый, этот лакей Мережковского и Брюсова.³³ "Ловкость" его есть ловкость карманного вора. В современной России это распространенный тип. 10-е издание Макса Нордау.

Осипа Дымова я не люблю.³⁴ Он тоже из тех, кто пользуется готовыми формулами.

Я думаю, Вы не шокируетесь, что я со всей откровенностью и лаконичностью говорю?

Будьте добры послать мне экземпляр журнала, где Вы напечатаете очерк. И благодарю Вас еще раз, что даете мне возможность возникать в Германской речи.

Посылаю Вам "Чувство расы в творчестве". Это тоже появится в "Золотом Руне".³⁵ Если не воспользуетесь, не откажитесь вернуть рукопись. Я думаю написать целый ряд таких небольших очерков по

вопросам Искусства, Космогоний, и религиозно-философского сознания.

Лиши теперь высылаю Вам новые свои книги. С нетерпением буду ждать впечатлений. Что Пшибытовский?³⁶ Скажите ему, что "Зеленые Святки", "Руны Ночи", и "Наш танец" написаны под толчком от некоторых его слов. Он музыкант Польской речи. Я очень люблю его "Снег", "Андрогину", "Гости", "Над морем", отдельные страницы о Женщине.³⁷

Не сетуйте, что мало пишу. Пишите мне. И любите меня.

Привет Вашей жене. Елена кланяется.

Жму руку.

Ваш

К.Бальмонт.

№ 5

Bruxelles, 177, rue Culture,
Berkendael, Inst. Medic., 13

10 февр. 1908.

Нет, я Вас слишком люблю, и скажу Вам правду. Но - inter nos. Официальная легенда: автомобиль. Поистине же, в припадке безумного возбуждения, накануне своего отъезда в Париж, куда я ехал на неделю, влекомый тоской о жене, о Кате,³⁸ и тоскою ее обо мне, - в моих безумных душевных вихрях, я бросился с балкона на улицу. Я не искал смерти - о, нет! - и всего второй этаж, ступени две - я хотел чего-то сильного, и, быть может, я упал бы счастливо, но рукою захватив край балкона, почувствовал что шипы железные срывают кожу с пальцев, сделал судорожное движение, и уже не спрыгнул, как хотел, а сбросился. Я опять лежал со сломанной ногой, на этот раз правой, а не левой.³⁹ Опять - но как иначе! Когда через минуту прибежала дрожащая смертельно-бледная Елена,⁴⁰ я спокойно сказал ей: "Вот, я сломал себе правую ногу в бедре". Она села на тротуар, и положила мою голову на свои колени. И так мы были долго, пока не прибежали знакомые, и не внесли меня в мою комнату. "Елена", говорил я, "смотри, как ясны звезды! Вот Юпитер, вот Кассиопея, вот ночное солнце египтян, Сириус!" Я был безгранично счастлив. Потом Катя

приезжала на неделю и снова уехала к нашей феечке Нинике.⁴¹ Они были вместе. Целовали меня. Они - не врачи. В моей душе - Осания.

Обнимаю Вас,

К.Бальмонт.

№ 6

Charente Inf.,
St.Georges de Didonne,
Villa Lucienne

1909, 30 августа.

Дорогой Александр Самойлович,

Вы не могли не удивиться и не огорчиться, что я не ответил Вам тотчас. Но я был болен. Я получил от Елены телеграмму из Киева, которую понял как известие о смерти моей девочки, которая была очень больна. На самом же деле она говорила о только что скончавшейся моей матери, о чем, по случайному недоразумению, не известил меня не один из моих братьев.

Ваше письмо горько отзывалось в моей душе, и в душе моей жены, которая, хотя не знает Вас лично, относится к Вам с искренним сочувствием, и которая, как я, ценила Вашу любовь к жене Вашей, факт такой любви, которая чувствовалась в каждом письме ко мне. Странны, быть может, будут слова мои к Вам. Я не могу и не умею говорить в такие минуты. И не знаю, нужно ли говорить что-нибудь. Мне хотелось бы быть с Вами, я бы молча сидел с Вами, или говорил бы о чем-то совсем отвлеченнем и далеком, а Вы бы почувствовали, что воистину Вы дороги мне.

Слушайте, я всегда на стороне того или той, кто ушел от кого-нибудь. Душа - вольна, хотеть - ее воля и божественное право, душа вольна хотеть чего-то, чего она еще не знала. Но мне казалось, что Зина, эта маленькая красивая Зина, нашла в Вас ту душу, с которой она может говорить всегда и обо всем, и я не понимаю, не ведаю, почему она ушла. Если б та, кого я люблю, полюбила еще и кого-то другого, я все же не могу себе представить, что меня она разлюбила, - а если это так, зачем уходить, зачем разрыв, неужели не настолько деликатны, и сильны, и всеобъемлющи и видящи наши души, чтоб полюбить любовь

любимой. Да, конечно - я говорю - конечно - я хочу, чтоб любимая любила только меня. Но, если ее сердце обращается еще и к другому кому-то, я бы сказал: Но меня ты не покидай, я буду любить тебя всегда-всегда. Если же ты хочешь меня покинуть, о, покинь не на много дней, если можно, не на много месяцев, и не отрывайся от меня совсем, потому что ведь я люблю тебя, и ты любишь, потому что любила, а раз ты любила, так ведь разлюбить нельзя.

Быть может, в ней, кто Вам - жизнь, это живет, хоть она этого не сознает еще? И как же она оставила Вам ребенка, если не было у нее ощущения в душе, что все же не порвано с Вами? А если она вернется, неужели радость возврата не искупает десятикратно боль такого потрясения? Если это возможно? Когда мы хотим всей душой, все возможно.

Обнимаю Вас братски.

Ваш

К.Бальмонт.

№ 7

Paris XVI, 48 bis, rue Raynouard.
1921.II.26

Дорогой Елиасберг,

Спасибо Вам за память, письма, и посылку Вашего сборника. Я не отвечал Вам так долго, ибо и здесь в Париже мне живется так же плохо, как в Москве, и я все время занят разными хлопотами, большей частью бесплодными. Жить трудно. Если поэзия и раньше была нужна лишь немногим, число этих малых дружин стало еще немногочисленнее.⁴²

"Русский Парнас",⁴³ на мой взгляд, составлен совершенно произвольно. Давать Лохвицкой одну страницу (взяв лишь два пустяка, на Мирру непохожие),⁴⁴ блистательному Вячеславу Иванову дать 7 страниц, а полу-поэту Валерию Брюсову,⁴⁵ компилиативному ритору, 14, - это такое личное пристрастие, которое неизвинительно в поэтической энциклопедии. Брюсов может быть Вам мил по личным соображениям, но Русская Поэзия, не умирающая и ныне, давно сбросила незаслуженный ореол с этого стихотворца, не создавшего никакой школы. Печатать Козьму Прutкова⁴⁶ - преступление. Давать поразительному Некрасову⁴⁷ 10 страниц, и столько же ничтожному

Алексею Толстому, это значит не видеть лица Русской Поэзии. Я говорю резко, но иначе не могу. Нельзя в энциклопедию вводить личные пристрастия. А именно объективное мерилло (индивидуальность, степень самостоятельности, глубина влияния) в этом сборнике отсутствует.

Переводов моих из Ленау⁴⁸ сейчас у меня нет под рукой. Но на днях выйдет в Берлине моя книга "Из мировой Поэзии",⁴⁹ и я Вам пошлю экземпляр. Там есть отрывки из Гете, Гейне, и Ленау.

В Мюнхене-ли Пшибычевский? Неужели до Мюнхена не долетают бури? Хотел бы тогда приехать в этот особенный город хоть на краткий отдых.

Прошу передать мой привет Зин. Ник.

Жму руку.
Искренно преданный
Вам
К.Бальмонт.

№ 8

Бретань
1921 X. 20

Дорогой Элиасберг,

Меня искренно огорчила последняя Ваша открытка. Жалею, что Вы хвораете. Хочется сказать: не падаете духом. Бывают пасмурные дни, бывают снова и светлые.

Очень радуюсь, что Вам нравится моя книга сонетов.⁵⁰ Я писал ее в последнее светлое лето, в 1916-м году, в той России, которая имела Божий лик, а не Дьявольский, и, несмотря на многие свои недостатки и недочеты, была благословенным царством, великой державой с великим будущим. Я верю и теперь в ее будущее, но как оно отодвинулось! Вся Европа, впрочем, сейчас не больше как Cloaca Maxima. Возрождение придет неожиданно. Оно придет. И к Вам раньше, чем ко мне.

Привет Зин. Ник. Поправляйтесь.

Преданный Вам

К.Бальмонт.

Bruxelles, 83, rue St.-Georges, Ixelles.

С. Городецкому

К чему таиться? Яркий ты.
И слухом я люблю тебя,
Щегленок, певчий Красоты.
Но для чего же с высоты
Лететь, так вдруг, на все цветы?
Ты пожалей себя.

Ты цветик аленъкій узнал,
Побудь подольше с ним вдвоем.
Зачем спешить к обрывам скал?
Смотри, ведь ты так нежно-мал.
Про цветник твой пропой: "Ты ал".
Пропой: "Лиши мы живем".

К. Бальмонт

1907-1908
Зимнее Солнце.

7 января 1908 г.

This inscription, written during the time frame of the Eliasberg correspondence, throws light on Bal'mont's cordial feelings towards the poet Sergej Gorodeckij, in spite of the fact that both poets were critical of one another during various periods of their careers.

Upon his return to Russia from exile Bal'mont was quite praiseworthy of Gorodeckij in several interviews that he gave, e.g.: "... ja ljublju stichi Sergeja Gorodeckogo, kotorogo ščitaju naibolee talantlivym ..." ("U korolja Rifmy", in *Rannee utro*, No.104, May 7, 1913);

"Mne mil i dorog Sergej Gorodeckij. Ja ego uvažaju i očen' ljublju. Ja s nim perepisyvalsja davno, ibo po sticham my druz'ja ešče do našej vstreči, a poznakomilsja ja s nim v Peterburge, i my uže na «ty»" (S.Frid, "Pevec solnca",

Solnca Rossii, November 1913). I wish to thank Thomas P. Whitney for allowing me to publish this inscription from his collection.

Notes to Bal'mont's Letters

- 1 *Russische Lyrik der Gegenwart*. Deutsch von Alexander Eliasberg. München und Leipzig, R.Piper & Co, Verlag, 1907. In the introductory essay to this volume Eliasberg devotes five pages to Bal'mont (16-20).
- 2 Požar = Feuerzauber, *ibid.*, 45.
- 3 Bereza = Die Birke, *ibid.*, 31.
- 4 Rakovina = Bunte Muscheln, *ibid.*, 38.
- 5 Terciny = Terzinen zu den Bücherverzeichnissen, *ibid.*, 72.
- 6 Idi za mnoj = Begleite mich, *ibid.*, 104.
- 7 Bal'mont is referring to his book of revolutionary verse *Pesni Mstitelja* (Paris 1907). Because of the book's anti-czarist stance Bal'mont elected to live abroad, rather than risk prosecution by returning to Russia. Bal'mont did in fact only return to Russia in 1913 when a general amnesty was declared in commemoration of the three hundred years' rule of the Romanov dynasty. Contemporary critics were divided in their evaluation of this collection. S.Vengerov found the collection the weakest of all of Bal'mont's books (S.A.Vengerov, *Russkaja literatura XX veka, 1890-1910*, Moscow 1914). But A.Amfiteatrov applauded Bal'mont's "civic poetry" (*graždanskaja poëzija*): A.Amfiteatrov, *Sovremenniki*, Moscow 1908, 201-207.
- 8 Bal'mont's book of poetry *Zelenyj Vertograd: slova pocelujnye* was issued by the Šipovnik publishing house in 1908. This book is comprised of poetry based upon the religion of two Russian underground sectarian groups: the castrates (skopcy) and the flagellates (chlysty). V.Markov has recently determined the source materials for much of Bal'mont's early poetry, including *Zelenyj Vertograd*; cf. V.Markov, *Kommentar zu den Dichtungen von K.D.Bal'mont: 1890-1909*, Köln/Wien, 1988, 385-427. This preoccupation by Russian poets with these religious groups was surveyed by Ju.Ivask in his article "Russian Modernist Poets and the Mystic Sectarians" in the collection *Russian Modernism: Culture and the Avant-Garde, 1900-1930*, Ithaca and London, 1976, 85-106.
- 9 Bal'mont's collection of critical articles *Gornye Veršiny* came out in 1904 in Moscow.
- 10 *Budem kak solnce* (1903), Bal'mont's most famous and popular collection of poetry, went through five editions before 1917.
- 11 *Tri rascveta* (1907) - a play which marks Bal'mont's only venture into drama.

- ¹² *Belye Zarnicy* (1908), Bal'mont's second book of critical articles, was banned because it contained Bal'mont's translations of two anti-czarist songs from Mickiewicz's *Dziady*, cf. I.Martynov, "Russkij dekadans pered sudom cenzury, 1906-1916" in *Gumilevskie čtenija*, Vienna 1984, 144-145.
- ¹³ Eliasberg's wife, Zinaida Nikolaevna Eliasberg-Wassiliew (? - after 1946), was an artist, who designed her husband's anthology.
- ¹⁴ Bal'mont went to Brussels to be near Elena Cvetkovskaja (1880-1943), who was about to give birth to their daughter, Mirra. Cvetkovskaja was later to become Bal'mont's third wife, although at this time Bal'mont was still married to Ekaterina Andreeva-Bal'mont (1867-1950).
- ¹⁵ During his seven years of exile, Bal'mont spent much of his time in the village of Soulac-sur-mer in Brittany.
- ¹⁶ Nuremberg was one of Bal'mont's favorite cities as he himself acknowledged in a letter of 3 December 1924: "Кроме Испании оглядываясь сейчас на свое прошлое, я люблю в Европе только Голландию, Англию, и кусочек Норвегии. Может быть, еще Нюренберг" (G. Cheron, "Pis'ma K.D.Bal'monta D.Šachovskoj", *Novyj žurnal* [New York], № 176, 1989, 241).
- ¹⁷ Bal'mont translated five works of the Norwegian writer Knut Hamsun (1859-1952), as well as devoting an entire article to him; cf. *Gornye veršiny*, 107-111.
- ¹⁸ Bal'mont's collection of verse *Žar-Ptica* (1907) is entirely made up of Bal'mont's renderings into verse of various aspects of Russian folk poetry: incantations, the "byliny", and fairy tales. V.Markov has identified most of the sources for Bal'mont's poems in *Žar-Ptica*; see: Markov, op.cit., 293-345. *Žar-Ptica* generated a diverse concensus of opinions concerning its overall worth. The modernist journal *Vesy* devoted two articles to it. Sergej Gorodeckij criticized the numerous deviations that he found in Bal'mont's poems from the original sources that had inspired them (*Vesy*, No.8, 1907, 59-64). Similarly Brjusov found fault with Bal'mont's free handling of traditional folk poetry (*Vesy*, No.10, 1907, 45-53). On the other hand, A.Amfiteatrov found Bal'mont's renderings to be of little interest because of their literalness and closeness to the originals: A.Amfiteatrov, op.cit, 208-220. Aleksandr Blok viewed Bal'mont's versions of incantations as the weakest section of the entire collection; cf. A.Blok, *Sobranie sočinenij v vos'mi tomach*, Vol.5, Moscow-Leningrad 1962, 136-141. But the anonymous reviewer for *Vestnik Evropy* (Feb.1908) praised Bal'mont's interpretations of the incantations as the strongest feature of *Žar-Ptica*. *Russkaja Mysl*'s critic (Boris Sadovskoj) gave a negative rating to the book (No.9, 1907, 215-217), while the reviewer (E.Ljackij) for *Sovremennyyj Mir* saw only positive things in *Žar-Ptica* (No.9, 1907, 112-114).

- ¹⁹ A different epigraph appears in *Zelenyj Vertograd*.
- ²⁰ *Zelenyj Vertograd* actually came out in October of 1908.
- ²¹ All three poems were later incorporated into Bal'mont's collection *Chorovod Vremen*, Moscow 1909, 64; 77; 38.
- ²² Bal'mont spent four months (Feb.-June) in Mexico during 1905. In his "Mexican" book Bal'mont speaks about Oaxaca in glowing terms: "Кто не видел Оахаки, не видел Мексики. Это - отдых, это радость жизни, это - праздник" (K.Bal'mont, *Zmeinye cvety*, Moscow 1910, 27).
- ²³ toj devuškoj = E.Cvetkovskaja.
- ²⁴ Bal'mont wrote a book based upon his Mexican impressions - *Zmeinye cvety*. It is not only a travelogue, but a serious look at Mexican history and mythology. Bal'mont also travelled to the Yucatan peninsula to see its numerous Mayan pyramids. This visit inspired him to undertake a translation of the Mayan cosmological book - the *Popul Vuh* (it takes up more than half of Bal'mont's book).
- ²⁵ Bal'mont and Cvetkovskaja spent a month travelling throughout the United States after Mexico. Bal'mont published his brief impressions of the United States in the journal *Zolotoe Runo* (No.1, 1906, 72-76).
- ²⁶ "Gimn ognju" appeared in *Budem kak solnce*.
- ²⁷ The sun is an important leitmotif for much of Bal'mont's poetry.
- ²⁸ Viktor Gofman, the reviewer for *Vesy*, singled out for criticism Eliasberg's overly favorable opinion of Bal'mont at the expense of Brjusov in the anthology's introduction; see: *Vesy*, No.9, 1907, 85-88.
- ²⁹ Eliasberg was in the process of translating Bal'mont's survey article on contemporary Russian literature - "Naše literaturnoe segodnjja" (*Zolotoe Runo*, No.11-12, 1907, 60-63).
- ³⁰ The "young" poets Mixail Kuzmin (1872-1936) and Sergej Gorodeckij (1884-1967) had made their literary debuts shortly before: Kuzmin with his book *Seti* (1908) and Gorodeckij with his stylized verse collection *Jar'* (1907). Bal'mont's personal copy of *Seti* contains his parodies of Kuzmin's verse; cf. M.Kuzmin, *Gesammelte Gedichte III*, Munich 1977, 620.
- ³¹ In his article Bal'mont calls Vjačeslav Ivanov (1866-1949) a "knižnik" and a "slovesnik-distilljator". In a private letter to Brjusov Ivanov repeated these appellations, which he had heard personally from Bal'mont, but took no offense, cf. Valerij Brjusov, *Literaturnoe nasledstvo*, vol.85, Moscow 1976, 485-486. Vjačeslav Ivanov wrote two articles on Bal'mont's poetry: O lirizme Bal'monta (*Apollon*, No.3-4, 1912, 36-42), which was reprinted in a special issue of the series *Zapiski Neofilologičeskogo Obščestva pri Imperatorskom*

S.-Peterburgskom Universitete (No.7, 1914, 45-54); K.D.Bal'mont, *Reč'*, March 11, 1912.

- ³² Bal'mont's very critical opinion concerning Blok's journalistic abilities was prompted by Blok's article "O realistach" (*Zolotoe Runo*, No.5, 1907). This article, which Bal'mont and other Symbolists found reprehensible, is a defense of Maksim Gor'kij, Leonid Andreev and other realist writers of the Znanie circle. For an overview of the artistic relationship between both poets see: A.Parnis, "Rycar' grezy zapovedoj: vospominanija i stichi K.Bal'monta o Bloke", *Literaturnoe obozrenie*, No.11, 1980, 107-111.
- ³³ Andrej Belyj (1880-1934) along with Brjusov and Dmitrij Merežkovskij (primarily through his wife Zinaida Gippius) were the chief supporters of the journal *Vesy* in its power struggle with other factions of the Symbolist camp, cf. G.Cheron, "Letters from V.F.Nuvel' to M.A.Kuzmin: Summer 1907", *Wiener Slawistischer Almanach*, Band 19, 1987, 65-84. Bal'mont, who was one of the founders of *Vesy*, eventually resigned from *Vesy* (in 1909) over his disenchantment with the journal's orientation. E.Andreevna-Bal'mont in her unpublished memoirs speaks of Bal'mont's estrangement from the journal: "Позже, когда *Весы* резко переменили свой характер, и в них стала преобладать полемика, острсловие и насмешки над враждебной или старой литературой перешли в издательства, задевались личности - Бальмонт и другие были против этого нового тона, но высказывал это откровенное и резче всех Бальмонт. Это не нравилось Брюсову. Бальмонт тогда отошел. Не в его характере было спорить, бороться, настаивать."
- ³⁴ Osip Dymov (1878-1959) - a second-rate writer and journalist.
- ³⁵ "Čuvstvo rasy v tvorčestve" was published in *Zolotoe Runo*, No.11-12, 1907, 58-60.
- ³⁶ The Polish writer Stanislaw Przybyszewski (1868-1927) lived for a number of years in Munich; Bal'mont in an article of 1925 recounts their meeting in Munich: "В долгие часы, совсем потопающие в табачном дыме, с Пшибышевским, в Мюнхене, я без конца говорил с ним о демонизме и дивился на способность славянской души истекать в словах и кружиться не столько в хмеле вина, сколько в хмельной водоверти умозрений" (K.Bal'mont, *Izbrannoe*, Moscow 1980, 624-625).
- ³⁷ Markov has traced the appearance of images and motifs from Przybyszewski's works among Bal'mont's early verse; cf. Markov, op.cit., 353, 367.
- ³⁸ o Kate: Bal'mont's second wife.
- ³⁹ In his youth Bal'mont broke his left leg in an unsuccessful suicide attempt.
- ⁴⁰ Elena = Elena Cvetkovskaja, Bal'mont's third wife.

- ⁴¹ Ninika = Nina Bal'mont-Bruni (1901-1989), Bal'mont's daughter to whom he dedicated his book of children's verse, *Fejnye skazki* (1905).
- ⁴² On June 25, 1920 Bal'mont emigrated from Soviet Russia along with his third wife, their daughter, and the niece of Bal'mont's second wife; they made their way to Paris. Bal'mont left because of his numerous disagreements with the Bolshevik regime and his hard material lot after 1917. Bal'mont in a brochure, issued shortly after the October Revolution, voiced his reservations about the new order: *Revolucioner ja ili net*, Moscow 1918. In a collection of essays *Gde moj dom?* (Prague 1924) Bal'mont discusses the intolerable post-revolutionary living conditions in Moscow and his struggle to survive under the Bolsheviks.
- ⁴³ Eliasberg and his brother put out an anthology of Russian verse entitled *Russkij Parnass* (Leipzig 1921).
- ⁴⁴ Mirra Lochvickaja (1871-1905) - the Russian Sappho, with whom Bal'mont had an affair.
- ⁴⁵ Bal'mont departed from Moscow without having reconciled himself with Brusov; cf. M.Cvetaeva, *Proza*, New York 1953, 263.
- ⁴⁶ Koz'ma Prutkov - a literary mystification first concocted by the poet Aleksej Tolstoj (1817-1875) and the Žemčužnikov brothers in 1854.
- ⁴⁷ Bal'mont's high praise of Nekrasov is also reflected in an early article: "Skoz' stroj: pamjati Nekrasova" (*Gornye Veršiny*, 96-101).
- ⁴⁸ Nikolaus Lenau (1802-1850). The poetry of this Austrian poet appeared three times in translations by Bal'mont.
- ⁴⁹ K.Bal'mont, *Iz mirovoj poézii*, Berlin 1921. This volume included Bal'mont's translations of Lenau.
- ⁵⁰ K.Bal'mont, *Sonety solnca, meda i luny*, Moscow 1917.

ПИСЬМА БРЮСОВА ЭЛИАСБЕРГУ

№ 1

Москва, 12/25 марта 1907.

Многоуважаемый г. Элиасберг!

Меня очень трогает Ваше внимание к моим стихам, и я сочту для себя большой честью быть представленным в Вашем сборнике.¹ Того отзыва К.Бальмонта, который Вы приводите в своем письме, конечно, совершенно достаточно, чтобы отнестися к Вашей работе со вниманием и с сочувствием.² Но несмотря на то, я нравственно не считаю себя в праве признать авторизованными те переводы, которых я никогда не видал. Если Вам довольно авторского разрешения на перевод, я его Вам даю охотно, основываясь на приведенных Вами словах К. Бальмонта. Но если Вы хотите авторизации переводов, Вы должны мне их доставить рукописи или в корректурах. Тем более, что некоторые мои стихи уже появились в немецких переводах (М.Шика³ и др.), которые были мною признаны как авторизованные.

То же самое должен я сказать и относительно перевода моей драмы "Земля".⁴ Одновременно с Вами с аналогическими просьбами об авторизации перевода "Земли" ко мне обратилось несколько других немецких писателей. Вам я отвечаю то же, что ответил им: чтобы решить могу ли я признать авторизованным перевод "Земли", я должен иметь в руках или перевод всей драмы или хотя бы значительную часть его.

Я затрудняюсь сообщить Вам биографические о себе данные, тем более это Вы можете найти их в разных энциклопедических словарях (например: в русском издании словаря Брокгауза, I дополнительный том). Вкратце скажу следующее. Родился я в 1873 г., в Москве. Кончил курс в московском университете. Литературную деятельность начал в 1893 г., когда впервые появились в печати мои стихи. С тех пор издал пять сборников стихов⁵ и несколько книг в прозе⁶ (они перечислены во всех изданиях моих сочинений). Участвовал в большинстве русских журналов, как "нового" направления ("Новый путь", "Вопросы Жизни", "Весы",⁷ "Золотое Руно"), так и "старого" ("Русский Архив",⁸ "Журнал для всех",⁹ "Современный мир", "Образование", "Русская Мысль"¹⁰) и во многих газетах.

Фотографии своей у меня к сожалению нет. Я могу только выслать Вам фототипический снимок с моего портрета, писанного М.

Врубелем.¹¹ С этого снимка шведский журнал "Ord och Bild" сумел сделать прекрасное цинковое клише.

С уважением

Валерий Брюсов.

№ 2

Москва, 9 декабря 1909.

Дорогой Александр Самойлович!

Я очень перед Вами виноват. Вот, если не оправдание, то объяснение этой вины.

В Швейцарии мы расстались с И.М.¹² У нее неожиданно умер брат, она вернулась в Россию. Я поехал в Париж.¹³ В Париже моя жизнь устроилась неожиданно. Очень сложно и очень остро. Я получил Ваше письмо и фотографии. Ответ на Ваше письмо я написал тотчас (и не только потому, что спешил поблагодарить Вас за присыпку стихов), но - увы! - только в уме. Мне жаль, что я не записал тех строк: они мне нравились. Когда, спустя несколько дней (кажется, более, чем недели), я, действительно, взялся за перо, чтобы писать Вам, я уже не нашел первоначально пришедших ко мне слов. Мне было досадно писать иные, менее выразительные, я упорно искал тех, первых, на находил, - и вовсе не написал Вам из Парижа ...

В Париже я провел семь недель. Потом был в Брюсселе и у Верхарна.¹⁴ На обратном пути в Россию расхворался. Приехал в Москву больным по-настоящему. Лежал несколько дней в постели. Потом долго не мог оправиться и войти в круг привычной жизни. К тому же на меня, по банальному сравнению, словно из-за сломанной плотины, хлынули всякие "дела". Ведь я более четырех месяцев провел в отсутствии. Издатели требовали обещанных, давно и к сроку обещанных, статей. Надо было писать во что бы то ни стало и о французских поэтах,¹⁵ и о Пушкине,¹⁶ и о Тютчеве,¹⁷ и о латинской антологии,¹⁸ и о Сергеев Кречетове¹⁹ и Бог весть о чем ... Я и не заметил как в этой наивной работе прошло больше месяца. И вот только теперь начинаю оглядываться и думать о себе самом и о том, что хотел сделать для себя.

Простите, что так много написал я лично о себе: может быть, все эти объяснения смягчат перед Вами мою вину. Я сердечно прошу

извинения и сердечно благодарю Вас за то, что Вы меня за это время не забывали, писали мне, хлопотали для меня и И.М. о книге Бахменя,²⁰ т.под. Благодарю и за присыпку книги Корана. Книга, действительно, прекрасная. Изо всех мне известных попыток подражания Библии это - единственная удачная. (И какая наивность уверение "Весов", будто издание этой книги затруднительно в России!)

В Вашем письме, полученном мною в Париже, был один, очень серьезный вопрос. Я вполне понимаю, что время отвечать на него уже прошло. Мне уже трудно мысленными глазами увидеть Вас и Вашу жизнь. Но, конечно, я с большой радостью исполню Ваше желание и пришлю Вам одну из фотографий, Вами сделанных, с простой, дружеской надписью. У меня остались самые ясные, "светлые", как говорят старые беллетристы, воспоминания о Мюнхене, особенно о нашей беседе в комнате сестры, перед каким-то сквером, высоко, над городом. Впрочем, самый Мюнхен мне очень пришелся не по душе, и жить в нем я не стал бы ни за что. Город без будущего. Даже Москва, в этом отношении, лучше.

Мне очень дорого Ваше мнение о "Французских лириках". Сейчас перевожу латинских поэтов IV-V в.²¹ О Немецких лириках мечтаю, но ведь это работа не одного года!

Отчего Вы ничего не пишете для "Русской Мысли"?²² Она не очень хороша, даже вовсе не хороша, но ее можно улучшить.

Ваш дружески
Валерий Брюсов.

P.S. В Париже я встретились с Бальмонтом, после четырехлетней разлуки. Очень жалею, что рассказать свои впечатления в письме трудно. Пишет ли Вам Бальмонт?²³

Inscription on
reverse of photograph
reads:

Александру Самойловичу
и Зинаиде Николаевне
Элиасберг
от преданного им сердечно
Валерия Брюсова.

В подруге дня признай сестру,
 Со встречным будь как с милым братом:
 Играет в темную игру
 С людьми - слепой и грозный фатум.

Б.Б.

14/27 июня 1910.

Notes

- 1 Russische Lyrik der Gegenwart, München/Leipzig, 1907.
- 2 In his next letter (30 March/12 April 1907) Brjusov was enthusiastic about Eliasberg's translations of his poetry:
 "Я внимательно прочел Ваши переводы моих стихов, нахожу эти переводы очень близкими к моему тексту и сердечно благодарю Вас за честь, оказанную мне Вашим трудом. Я очень ценю, что Вы везде сохранили мой размер, мои образы, а часто и мое движение стиха. Мне остается только радоваться, если моя поэзия явится перед немецкими читателями в Вашей интерпретации." (Lazarev, op.cit., 95).
- 3 Maksimilian Jakovlevič Šik (Schick), 1884-1968. Of German origin Šik translated much of Brjusov's verse into German; see H.B.Šik, "Po materialam archiva M.Ja.Šika, Brjusovskie čtenija 1973 goda", Erevan 1976, 419-436.
- 4 Brjusov's play "Zemlja: tragedija iz buduščich vremen" was published in the almanac Severnye svety Assirijskie in 1905.
- 5 The five verse collections that had come out by this time were: *Chefs d'œuvre* (1895); *Me eum esse* (1897); *Tertija Vigilia* (1900); *Urbi et orbi* (1903); *Stephanos* (1906).
- 6 Brjusov is exaggerating his prose output. In reality he had only issued his first book of short stories, *Zemnaja os'*, in February of 1907.
- 7 Brjusov was one of the founders of the modernist journal *Vesy* (1904-1909).
- 8 In his youth Brjusov had worked for the historical journal *Russkij archiv*. Brjusov has left interesting reminiscences of the journal's founder, P.I.Bartenev: V. Brjusov, *Za moim oknom*, Moscow 1913, 49-62.
- 9 Brjusov's participation in the journal *Žurnal dlja vsech* is reflected in the published correspondence of Brjusov with the journal's editor: V.Ja.Brjusov, "Pis'ma k V.S.Miroljubovu (1894-1908)", *Literaturnyi archiv*, vol.5, Moscow-Leningrad 1960, 172-184.
- 10 After the closure of *Vesy* Brjusov became the fiction editor of the journal *Russkaya mysł*.

- ¹¹ Brjusov's famous portrait done by the Russian Symbolist painter Michail Vrubel' was known to Eliasberg; he reproduced it in his anthology.
- ¹² Ioanna Matveevna Brjusova (1876-1965) - Brjusov's wife.
- ¹³ Brjusov spent the summer and fall of 1909 travelling in Europe as he cites this fact in his autobiography: "Мы опять совершили довольно большое путешествие по всей южной Германии и Швейцарии. Из Швейцарии я опять ездил в Париж (на полтора месяца) и в Бельгию к Верхарну" (N. Ašukin, *Valerij Brjusov v avtobiograficheskikh zapiskach, pis'mach, vospominanijach sovremennikov i otzyvach kritiki*, Moscow 1929, 257).
- ¹⁴ Brjusov recollects this meeting with the Belgian symbolist poet Emile Verhaeren (1855-1916) in his book of memories, *Za moim oknom* (23-32).
- ¹⁵ *Francuskije liriki XIX veka. Perevody v stichach i bibliografičeskie primečanija* V.Brjusova. St.Petersburg 1909.
- ¹⁶ This could be any one of five articles on Puškin that Brjusov published in 1909-1910.
- ¹⁷ Brjusov wrote a biographical-critical essay on Tjutčev, which was published in a volume of Tjutčev's complete poetry in 1911 (Izd. A.F.Marksa).
- ¹⁸ See note 21.
- ¹⁹ V. Brjusov, "A review of S.Krečetov, *Letučij gollandec*," *Russkaja mysl'*, No.2, 1910.
- ²⁰ Georg Bachmann (1852-1907) - a German poet and translator who lived in Moscow. Brjusov's obituary on Bachman appeared in *Vesy*: No.7, 1907, 54-56.
- ²¹ Brjusov's translations of Latin poets came out a number of years later: *Erotopaegnia*, Moscow 1917.
- ²² Eliasberg did submit several essays on German literature to *Russkaja mysl'*.
- ²³ See appendix.

Appendix.
A Letter from Bal'mont to Brjusov of 1913.

Наро-Фоминская, Московская губерния,
им. Плесенское
1913. VIII.21

Дорогой Валерий,

Я с большой радостью получил сегодня письмо твое, и пожалел, что не успел вчера, - как хотел, - написать. Наши письма совпали бы, как наши заглавия. Я именно хотел написать тебе, что слишком дорожу нашими дружескими отношениями, чтобы допускать, что какие-либо литературные выступления, твои или мои, смогут поколебать их. Я жалею, однако, что ты возразил на мои рецензии (написанные по крайнему разумению), ибо этим самим ты именно возвзвал к толероу, и вызов я принял, спор продолжим. В конце концов, спора никакого здесь быть не может, ибо тут догмат, у меня один, у тебя другой. Догмат можно принять или отвергнуть. Пытаться видоизменять его - напрасный труд.

Я воистину огорчен формой твоих, изданных вновь, прежних книг. Они теряют так всякую власть надо мной, и это мне прискорбно. И такие стихотворения, которые мы пережили вместе, - "Моя любовь палиций полдень Явы",¹ - отнят у меня, как бы лично у меня.

Ты смущил меня сообщением о "Звеньях". Я не знал, что ты готовишь книгу с таким заглавием. Так как это заглавие очень общего свойства, и я пришел к нему совершенно самостоятельно, - прости, - я не могу его изменить. Притом оно возникло довольно таинственно. И вот как.

Когда я составил сборник² (весной в Париже), я назвал его "Вехи". Одна из светлокуких возразила мне, что так называется препротивный сборник статей,³ и предложила слово "Границы", - одно из любимых моих слов. Я почти принял, но Елена разубедила меня. Мы условились, что оба будем придумывать новое. Я ушел домой, и ровно в полночь придумал "Звенья". Она же одновременно придумала то же, блуждая по словам, - знак блужданий этих я сохранил и посыпаю тебе.

Я рад и даже счастлив, что мы будем наконец видаться и говорить с тобой. Мне хочется этого. И думаю, должно это быть.

Я остаюсь здесь до 31-го, затем уезжаю на сентябрь к Елене (Ст. Сходня, Никол. ж. д., д. Овчинникова). Это близко от Москвы.

Я кончу новую книгу стихов, написанную за последние два года. И мысленно еще в Тихом океане.⁴

Привет И.М. Напиши мне!
Жму руку.
Искренно твой
К.Бальмонт.

N o t e s

- 1 This poem opened Brjusov's first collection of poetry, *Chefs D'Œvre* (1985). Later on Brjusov changed the entire poem to third person singular. A line from this poem was employed by Bal'mont in his verse, cf. Markov, op.cit., 95.
- 2 K.Bal'mont, *Zven'ja: izbrannye stichi*, Moscow 1913.
- 3 *Vechi* (Moscow 1909) - the famous collection of articles put out by the liberal intelligentsia.
- 4 This was to be *Belyi zodčij* (Moscow 1914). Bal'mont had travelled to the Oceania region during his world tour in 1912.

Commentary.

Konstantin Bal'mont and Valerij Brjusov first met in 1894¹ and maintained their friendship on and off for twenty-six years, till Bal'mont's emigration in 1920.² When they first met, Bal'mont was an up-and-coming young poet with some success, while Brjusov was still struggling in his poetry, not having yet found his poetic voice. Nevertheless, both poets were adamant about the establishment of a new movement or feeling in Russian poetry, which only later developed into the school of Russian Symbolism. From the start both poets shared a common love towards poetry, but their different temperaments determined their singular, personal approach to it. Bal'mont's wife in her unpublished memoirs noted their basic differences:

Если Бальмонт и Брюсов были очень разные по характеру, мышлению, восприятиям, то общей у них была их "иступленная любовь" к поэзии. И оба они принадлежали к молодому поколению, людям новым. Оба с ярко выраженным индивидуальностями влияли друг на друга, но ни один не подчинялся другому. У обоих было неудержимое желание проявлять себя, свою личность. Бальмонт это делал непосредственнее и смелее. У Брюсова его "дерзания" были более надуманы, и выходили в жизни и в творчестве как-то искусственно.

For both Bal'mont and Brjusov much of their friendship was marked by admiration, envy and jealousy. Initially Brjusov was forced to walk in Bal'mont's shadow, playing, if one will allow, Salieri to Bal'mont's Mozart. This battle of poetic wills went unabated for years, as Bal'mont once remarked:

Продолжала также тянуться и усложняться многоцветная нить моей дружбы-вражды с Валерием Брюсовым, с которым мы ходим вдвоем по нашим душам, как ходят в минуты счастья по ночному и утреннему саду, и как ходила андерсеновская Русалочка по осколкам стекла.³

Both poets carried on a polemic in their poetry concerning the function and nature of poetry and the poet's relationship to art.⁴

In 1913 the public became aware of the basic differences between both poets, when their opposing viewpoints were published in the popular newspaper *Utro Rossii*. In May of 1913 Bal'mont returned to Russia after seven years of self-imposed exile. That June and August saw two reviews by Bal'mont of works by Brjusov appear in *Utro Rossii*. The first review dealt with Brjusov's collection of short stories *Noči i dni* (1913).⁵ In his review Bal'mont, while acknowledging Brjusov's poetic talents, declared that Brjusov lacked any such talent in his prose.

Bal'mont's conclusion about *Noči i dni* is that it has banal themes and predictable, listless characters in its stories. Bal'mont's second review is more severe in tone and content.⁶ It is concerned with the first volume of Brjusov's "Complete Works" (*Polnoe sobranie sočinenij i perevodov*) and a "Bibliography" of Brjusov's works compiled by the author himself. Bal'mont saw these works as the height of Brjusov's arrogance and manifest self-advertisement, and set himself the task of putting Brjusov in his place. Brjusov's reworking of his past verse was singled out for criticism by Bal'mont. He saw these poems many times as being inferior in quality to the originals. Bal'mont claimed that a poet by reworking his own poetry does not remain true to himself nor to his art.

Brjusov's article "Pravo na rabotu" was published as a rebuttal to Bal'mont's reviews, also in *Utro Rossii*.⁷ In his article Brjusov interpreted Bal'mont's criticism as an act of revenge for his previous negative reviews of Bal'mont's books.⁸ Brjusov brings in Puškin and Goethe as examples of poets who reworked their verse. Brjusov's acid criticism of Bal'mont in his defense of himself shows a man uncertain of himself (and possibly dissatisfied with himself). Perhaps the only conclusion that can be formulated from this polemic is that both poets advocated an approach to poetry that suited their personalities regardless of aesthetics. For Brjusov - the careful and diligent craftsman of verse, a rational, almost scientific view on art dominated. And for Bal'mont - an unbridled, free poetic spirit, an impressionistic, unfettered attitude towards art was paramount.

Bal'mont's letter was written three days after the publication of Brjusov's article and serves as a fitting commentary to the polemics between Brjusov and Bal'mont. The original of this letter is held in the manuscript section of the A.M.Gor'kij Institute of World Literature of the Academy of Sciences of the USSR in Moscow: Fond 13, op.3, No.60. I wish to thank Ljudmila Kirillovna Kuvanova for making available to me a copy of this letter and to the International Research and Exchanges Board for a research grant, which made possible a trip to Moscow in September of 1987.

N o t e s

- 1 V.Brjusov, *Dnevniki, 1891-1900*, Moscow 1927, 19. A.Ninov has explored the early period of the friendship between Bal'mont and Brjusov (up to 1903) in his documentary narrative "Tak žili poety" in *Neva*, No.6, 7, 1978; No.10, 1984. Also see: A.A.Ninov, "Brjusov i Bal'mont" (1894-1898), *Brjusovskie čtenija 1980 goda*, Erevan 1983, 93-122.
- 2 A late letter of Brjusov's to Bal'mont dated 24 January 1918 has been published: "Iz perepiski sovetskikh pisatelej: pis'ma V.Ja.Brjusova", *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj Biblioteki Lenina*, vypusk 29, Moscow 1976, 219-220.

- 3 K.Bal'mont, *Morskoe svečenie*, Moscow 1910, 197.
- 4 One critic has seen Brjusov and Bal'mont's collaboration in the miscellany *Kniga razzumij* (St.Petersburg 1899) as a poetic dialogue concerning their opposing aesthetics; cf. J.Grossman, *Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence*, Berkeley and Los Angeles 1985, 185-190. Another article deals with the Brjusov-Bal'mont poetic dialogue in one poem: A.A.Ninov, "O stichotvornom poslanii V.Ja.Brjusova K.D.Bal'montu (1902)", *Brjusovskie čtenija 1983 goda*, Erevan 1985, 181-193.
- 5 K.Bal'mont, "Voskovye figurki", *Utro Rossii*, 29 June 1913 (No.149), 5.
- 6 K.Bal'mont, "Zabyvšij sebja", *Utro Rossii*, 3 August 1913 (No.179), 3.
- 7 V.Brjusov, "Pravo na rabotu", *Utro Rossii*, 18 August 1913, reprinted in V.Brjusov, *Sobranie sočinenij v semi tomach*, vol.6, Moscow 1975, 405-408.
- 8 In his lifetime Brjusov published eight reviews on Bal'mont's works. An analysis of these articles can be found in the following source: T.V.Ančugova, "Brjusov-kritik (Stat'i V.Ja.Brjusova o K.Bal'monte)", *Brjusovskie čtenija 1971 goda*, Erevan 1973, 244-269.

FEDOR STEPUN AND BORIS PASTERNAK: A LETTER¹

In May of 1958 Boris Pasternak forwarded to the Russian-German philosopher Fedor Stepun (1884-1965) an autographed copy of the recently-published third edition of his translation of Goethe's *Faust*.² Later that month and the following June, amidst the growing controversy concerning the publication of his novel *Dr. Zhivago* abroad, Pasternak sent Stepun two postcard letters.³ By initiating a correspondence with Stepun, who was at this time Professor at the University of Munich, Pasternak revived a friendship of forty years' standing. Both men had known each other since 1910, when Pasternak took part in Stepun's philosophical circle which was affiliated with the "Musaget" literary group.⁴ As editor of the 1922 literary almanac *Šipovník* Stepun published Pasternak's short story "Pis'ma iz Tuly".⁵ However, Pasternak's personal contact with Stepun came to an end when in 1922 Stepun, along with many other Russian intellectuals, was expelled from the Soviet Union.

One of Pasternak's last letters, written during the last month of his life, is addressed to Stepun. A note of despondency overshadows this somber letter due to Pasternak's rapidly declining health. It is published here for the first time.

6 мая 1960

Дорогой мой Федор Августович, только на днях, более чем с годичным запозданием прочел Вашу статью в N.Rundschau.⁶ Сколько души и понимания Вы мне подарили! Страшно горжусь Вашим признанием и такой одухотворенной, захватывающей поддержкой.

Пишу Вам лежа в постели. Я захворал надолго чем-то если даже и не угрожающее опасным, то крайне болезненным. У меня немыслимые нервно-мышечные боли в левом плече, груди и лопатке, на которые всеми муками и видами своих уклонений отзывается и сердце.⁷ Сообщите это, пожалуйста, тем общим знакомым, которые со мною в переписке, - пусть их не обижает мое молчание. Если Бог даст я выздравлю, я вернусь к Вашей статье и напишу Вам полнее.

Болезнь застала меня в разгаре новой работы. Я только что перед этим справился с половиной задуманной пьесы.⁸

Наверное книгой *Wenn es aufklärt*⁹ - я так же повредил издательству, как был ему полезен предшествующим романом.¹⁰ Обнаружившаяся благодаря талантливым и точным переводам Keil'я старомодность и

обычность этой поэзии должна была оттолкнуть и расхолодить современного западного читателя.

Прерываю это письмо против воли: очень больно писать. Обнимаю Вас, Федор Августович, милый, дорогой. Привет Вашей милой, замечательной супруге. Не очень весело мне.

Ваш Б.Пастернак.

Notes

- 1 I wish to thank Yale University for allowing me to publish this letter from their Stepun holdings and to Steve Jones of the Beinecke Library staff for locating Pasternak's letter.
- 2 A copy of the autograph is reproduced in *Russkij Al'manach*, Paris 1981, 80-II.
- 3 Both of these postcards have been published by Renè Guerra; *ibid.*, 475-77.
- 4 L.Fleishman, "B.Pasternak i A.Belyj", *Russian Literature Triquarterly*, No.13, 1975, 545.
- 5 F.Stepun, *Byvšee i nesbyvšeesja*, Vol.2, New York 1956, 268-69.
- 6 See *Die neue Rundschau*, No. 70, 145-161. A Russian version of this article also appeared at this same time, cf. F.Stepun, B.L.Pasternak, *Novyj žurnal*, No.56, 1959, 187-206.
- 7 Pasternak's illness was eventually diagnosed as lung cancer, which had greatly weakened his heart. Three weeks after this letter was written, on May 30th, Pasternak died.
- 8 Pasternak is referring to his unfinished play "Slepaja krasavica".
- 9 A German translation of Pasternak's last collection of verse "Kogda razgulyaetsja": *Wenn es aufklärt*. Übers. von Rolf-Dietrich Keil. Frankfurt/M.S.Fischer, 1960.
- 10 *Doctor Shiwago*. Übers. von Reinhold von Walter. Frankfurt/M.S.Fischer, 1958.

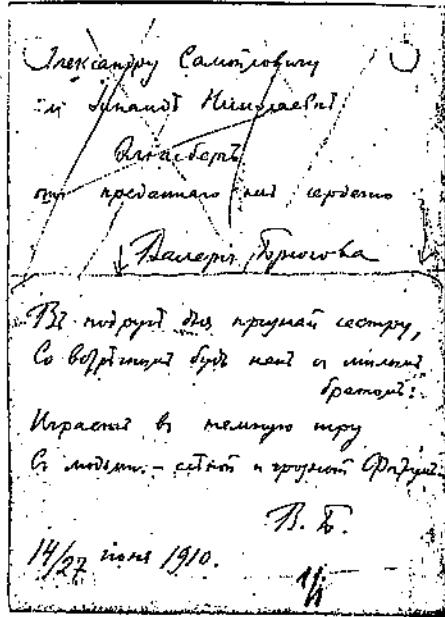
A facsimile of Pasternak's envelope containing his letter to Stepun.

Inscription on
reverse of photograph
reads:

14/27 июня 1910.

Александру Самойловичу
и Зинаиде Николаевне
Элиасберг
от преданного им сердечно
Валерия Брюсова.

В подруге дня признай сестру,
Со встречным будь как с милем братом:
Играет в темную игру
С людьми - слепой и грозный Фатум.

В.Б.

Bruxelles, 83, rue St-Georges, Tercles.

С. Городецкому

Ко всему гаитиос? Яркии же
И сияющие в море мечи,
И землии ся, новори красави.
Но где же то же се внесши
Действие, и как сдружъ, на все глохни?
Ты погнали сади.

Ты, гибомен ассирий уважаи
Подыбъ подобное ся чисто забоин.
Барбари спаничи же отблески саси.
Селюнчию оно же дарят иконо-маки
И по гибомен иконы япони; — "ты же" ава"
Япони; "Анна же маки".

L. Балакирев

1907-1908.

Запись Конрада

Февраль 1908г.